

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА
СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ ПЕРВОЙ СТАТЬИ 26 ЗАКОНА РА
“О ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ИСПОЛНЕНИИ СУДЕБНЫХ
АКТОВ” КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ЗАО “ЭЙЧ-ЭС-БИ-СИ БАНК
АРМЕНИЯ”, “АКБА-КРЕДИТ АГРИКОЛЬ БАНК”,
“БАНК ВТБ-АРМЕНИЯ” И “АРЦАХБАНК”**

г. Ереван

28 июня 2013 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), Ф. Тохяна, М. Топузьяна, А. Хачатрянна, Г. Назаряна (докладчик), А. Петросян, В. Погосяна,
с участием:

представителей заявителей – А. Арутюняна, С. Гишяна, К. Петросяна и М. Мкояна,

привлеченных в качестве стороны-ответчика по делу официальных представителей Национального Собрания РА – главного специалиста Отдела правовой экспертизы Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА С. Амбарцумян, ведущего специалиста того же отдела А. Сардарян,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 6 части 1 статьи 101 Конс-

титуции Республики Армения, статьям 25, 38 и 69 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 1 статьи 26 Закона РА “О принудительном исполнении судебных актов” Конституции Республики Армения на основании обращения ЗАО “Эйч-Эс-Би-Си Банк Армения”, “Акба-Кредит Агриколь Банк”, “Банк ВТБ-Армения” и “Арцахбанк”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде РА обращение ЗАО “Эйч-Эс-Би-Си Банк Армения”, “Акба-Кредит Агриколь Банк”, “Банк ВТБ-Армения” и “Арцахбанк” от 29.03.2013 г.

Изучив сообщение докладчика по делу, объяснения представителей стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Закон РА “О принудительном исполнении судебных актов” и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Закон РА “О принудительном исполнении судебных актов” принят Национальным Собранием РА 5 мая 1998 года, подписан Президентом Республики Армения 3 июня 1998 года и вступил в силу с 1 января 1999 года.

Оспариваемая по настоящему делу часть 1 статьи 26 упомянутого Закона, озаглавленной “Поворот исполнения судебного акта”, устанавливает:

“1. Если приведенное в исполнение решение отменено и принято новое решение о полном или частичном отказе в иске, либо производство по делу прекращено, либо иск оставлен без рассмотрения, то суд принимает судебный акт о полном или частичном возвращении должнику имущества в соответствии с новым судебным актом”.

2. Процессуальная предыстория настоящего дела сводится к следующему. 12 октября 2009 г. суд общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш города Еревана вынес приговор по уголовному делу номер ԵՉԴ/0094/01/09, по которому признал гражданина Румынии Корнелия Константина Ромика Стенгачу виновным по ряду статей Уголовного кодекса РА и приговорил к 12 годам лишения свободы с конфискацией всего имущества, но не более

64.142.000 драмов РА, с предусмотренной частью 4 статьи 55 Уголовного кодекса РА конфискацией полученного преступным путем имущества. Суд удовлетворил гражданские иски заявителей по настоящему делу, решив взыскать с осужденного в пользу потерпевших в целом 25.457.000 драмов РА в качестве возмещения вреда, причиненного вследствие преступления. После вступления приговора в законную силу для принудительного исполнения приговора заявители в части удовлетворения их гражданского иска получили исполнительные листы, которые представили в Службу ПИСА МЮ РА, где узнали, что Прокуратура РА первая предъявила исполнительный лист о конфискации всего имущества осужденного, но не более, чем 64.142.000 драмов РА. Заявители по настоящему делу подали заявления в суд общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш с требованием о толковании неточности вынесенного по вышеуказанному уголовному делу судебного акта в связи с положениями относительно исполнения приговора в части имущественных обязательств осужденного и конфискации имущества, полученного преступным путем. Суд своим решением от 3 июня 2010 г., толкуя неточность вынесенного приговора, отметил, что признанное вещественным доказательством и полученное преступным путем имущество подлежит конфискации независимо от того, является ли оно собственностью осужденного или какого-либо третьего лица или обстоятельства владения им, и что это имущество (сумма, вещи) не может быть конфисковано в пользу гражданских истцов, не может быть направлено на возмещение вреда, причиненного потерпевшим и гражданским истцам, а при исполнении приговора в части удовлетворенных гражданских исков конфискация распространяется на принадлежащие осужденному иные денежные средства и имущество. Апелляционные жалобы заявителей отклонены, а кассационные жалобы — возвращены.

На основании обращения заявителей по настоящему делу Конституционный Суд РА, приняв к рассмотрению вопрос соответствия части 4 статьи 55 Уголовного кодекса РА Конституции РА (ПКС-983), постановил, что она в данном в правоприменительной практике толковании, в той части, которой после конфискации не гарантирует необходимую защиту имущественных интересов и права собственности потерпевшего (законного владельца), не соответствует требованиям части 5 статьи 20 и части 2 статьи 31 Конституции РА.

12 октября 2011 г. на основании вышеупомянутого Постановления Конституционного Суда заявители на основании нового обстоятельства подали апелляционную жалобу в Апелляционный уголовный суд РА с требованием отменить (в части непредусмотрения гарантий возвращения потерпевшим в первоочередном порядке имущества, полученного преступным путем и признанного вещественным доказательством) приговор суда общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш от 12 октября 2009 г. ԵՉԴ-0094/01/09 (в толковании, данном ему решением того же суда о толковании неясности приговора от 3 июня 2010 г.) и, в частности, осуществить поворот исполнения судебного акта, которое отклонено 14 ноября 2011 г. В результате рассмотрения принятой 30 марта 2012 г. кассационной жалобы Кассационный Суд РА отменил упомянутое решение Апелляционного уголовного суда РА и направил дело в тот же суд с требованием о новом рассмотрении. Решением Апелляционного уголовного суда РА от 14 июня 2012 г. апелляционные жалобы удовлетворены, в результате чего признанные вещественным доказательством денежные средства пропорционально распределены между потерпевшими. Одновременно не удовлетворено требование заявителей о повороте исполнения судебного акта (в части конфискованных в государственный бюджет вещественных доказательств) суда общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш. 13 июля 2012 г. заявители по настоящему делу по этому вопросу подали жалобу в Апелляционный уголовный суд РА, которая оставлена без рассмотрения с мотивировкой, что осуществление поворота исполнения судебного акта находится вне рамок компетенции этого суда. А кассационная жалоба возвращена решением Кассационного Суда РА от 24 сентября 2012 г.

3. Оспаривая часть 1 статьи 26 Закона РА “О принудительном исполнении судебных актов” в толковании, данном ей Апелляционным уголовным судом РА 27 июля 2012 г. по делу ԵՉԴ-0094/01/09, ссылаясь на международные правовые документы и прецедентную практику Европейского суда по правам человека, а также Постановление Конституционного Суда РА от 12 июля 2011 г. ПКС-983, заявители находят, что они лишены средств эффективной и созвучной принятым Республикой Армения обязательствам защиты своих прав,

что, согласно заявителям, противоречит части 2 статьи 3, части 1 статьи 18 Конституции РА. Находят также, что лишаются возможности судебного рассмотрения их дела с целью защиты нарушенных прав, что несовместимо со статьей 19 Конституции РА. Оно в свою очередь приводит и к тому, что не защищается право собственности заявителей и они как потерпевшие по уголовному делу не получают компенсацию за причиненный им вред, что противоречит части 1 статьи 8 и части 5 статьи 20 Конституции. В результате сторона находит, что предложенное Апелляционным уголовным судом РА толкование положения, закрепленного в части 1 статьи 26 Закона РА “О принудительном исполнении судебных актов”, приводит к его антиконституционности.

4. Сторона-ответчик находит, что оспариваемые нормы Закона РА “О принудительном исполнении судебных актов” по существу являются гражданскими процессуальными нормами и что они регулируют “...вопрос поворота исполнения решения только в пользу должника, как способ защиты прав должника”.

Согласно ответчику, “в уголовном судопроизводстве поворот исполнения судебного акта предусмотрен для тех случаев, когда оправдательный приговор или решение о прекращении уголовного дела или преследования, на основании которого осуществлено возмещение вреда, отменен и в отношении соответствующего лица по тому же делу вынесен обвинительный приговор. В этом случае суммы, которые были выплачены в качестве возмещения вреда, может конфисковать суд в порядке поворота исполнения решения”.

Ответчик находит, что в Законе РА “О принудительном исполнении судебных актов” отсутствует возможность поворота исполнения судебного акта “...от одного лица в пользу потерпевшего”. И подобное правовое регулирование, согласно стороне-ответчику, вовсе не обусловлено отсутствием в оспариваемой норме термина “приговор”, оно направлено на защиту интересов должника. Однако, как считает ответчик, есть “... законодательный пробел, который не регулирует вопрос поворота исполнения судебного акта в пользу потерпевшего и в условиях которого не обеспечивается возможность эффективного восстановления нарушенных прав лиц”.

5. В рамках настоящего дела при оценке конституционности оспариваемого правового регулирования Конституционный Суд считает необходимым обратиться к правовым позициям, выраженным в Постановлении Конституционного Суда от 12 июля 2011 г. ПКС-983 постольку, поскольку вопрос предмета рассмотрения касается позитивной обязанности государства по защите собственности частных лиц от незаконных действий других, а также гарантирования эффективной защиты прав и законных интересов лиц, понесших имущественный вред в рамках исполнения этой обязанности. В этом аспекте оспариваемая норма непосредственно устанавливает порядок и условия поворота по определенным конкретным основаниям исполнения приведенного в исполнение решения в сфере регулирования гражданско-правовых отношений, что, в целом, является гарантией защиты имущественных прав лиц, пострадавших вследствие правонарушения, а также реализации гарантированного Конституцией права на справедливое судебное разбирательство и принципа доступности правосудия.

Из содержания оспариваемого правового регулирования Закона РА “О принудительном исполнении судебных актов” следует, что в процессуальном смысле вопрос поворота исполнения приведенного в исполнение решения суда может решаться, если:

- имеется приведенное в исполнение решение суда, и
- приведенное в исполнение решение суда отменено компетентной судебной инстанцией и вынесен новый судебный акт о полном или частичном отклонении иска, производство по делу прекращено, либо иск оставлен без рассмотрения.

При наличии вышеупомянутых правовых условий компетентный суд выносит судебный акт, то есть приговор или решение, о полном или частичном возвращении имущества (движимое, недвижимое) заинтересованной стороне — должнику (то есть лицу, в соответствии с прежним судебным актом несущему обязанность в отношении другой заинтересованной стороны) в соответствии с новым судебным актом. То есть, однозначно, что институт поворота исполнения решения **призван регулировать гражданско-правовые отношения** в связи с восстановлением (возмещением) материального ущерба, причиненного лицу (лицам) исполнением судебного акта, вынесенного в результате судебной ошибки (новых или вновь открывшихся или иных обстоятельств).

В части 2 статьи 26 вышеупомянутого Закона предусмотрены условия поворота исполнения того судебного акта, который еще не приведен в исполнение.

В материально-правовом смысле вопрос поворота исполнения приведенного в исполнение решения суда может решаться в таких частных случаях, когда имеются предусмотренные законом основания отмены (полной или частичной) вынесенного судом акта, прекращения производства по делу, оставления иска без рассмотрения, следовательно и правовая необходимость устранения возникших вследствие приведения в исполнение этого акта правовых последствий (восстановления предшествующего вынесению этого акта правового положения, прежних прав и обязанностей заинтересованной стороны (потерпевшего), обусловленного обстоятельствами дела). То есть, целью поворота приведенного в исполнение решения суда является обеспечение осуществления справедливого и эффективного правосудия (осуществления целей правосудия), а объект – **имущественное право** и обусловленные им взаимные права и обязанности сторон, правомерность их реализации в рамках данного гражданско-правового спора. То есть, применением института поворота исполнения решения государство, в лице компетентного суда, имеет цель исполнять свою позитивную обязанность по защите собственности лиц (в том числе от противоправных действий других), что является также одной из основных проблем осуществления правосудия.

Таким образом, Конституционный Суд констатирует, что институт поворота исполнения приведенного в исполнение решения суда является важной гарантией в аспекте защиты прав и свобод лиц как в соответствии со статьями 8, 18 и 19, так и другими статьями Конституции РА, и в рамках правового регулирования, являющего предметом спора по настоящему делу, он сам по себе не может вызвать вопрос конституционности, если законодательством предусмотрена эффективная процедура его реализации, в частности, возможность **быстрого, полноценного и эффективного** восстановления прав и свобод лиц, нарушенных вследствие приведения в исполнение неправомерного судебного акта. Изучение прилагаемых к обращению документов и, в частности, судебных актов свидетельствует, что поставленные вопросы заявителей относительно предмета спора по настоящему делу по своему содержанию содержат фактическое требование

необходимости гарантирования таких процедур **восстановления причиненного преступлением ущерба**, которое, как следует из имеющейся в деле процессуальной предыстории, несмотря на то, что непосредственно не было связано с вопросом необходимости применения института поворота исполнения приведенного в исполнение решения по гражданскому делу, однако в соответствии с общими целями правового регулирования направлено также на решение этого вопроса. Следовательно, руководствуясь требованиями статьи 19 Закона РА “О Конституционном Суде”, в рамках настоящего дела Конституционный Суд считает необходимым рассмотреть также вопрос необходимости гарантирования конституционно-правовых принципов восстановления материального (имущественного) ущерба, причиненного лицам преступлением, и в особенности вопрос необходимости законодательных регулирований, соответствующих правовым позициям, выраженным в своих прежних постановлениях по этому вопросу.

6. Комплексное изучение законодательных актов, регулирующих процессуальные отношения в рамках вопросов, являющихся предметом рассмотрения по настоящему делу, свидетельствует, что на уровне регулирования закона в достаточной мере еще нет эффективных процедур возмещения материального вреда, причиненного лицу правонарушением. В частности, Конституционный Суд обозначает необходимость последовательного применения на уровне законодательного регулирования такого концептуального подхода, при котором будет гарантировано быстрое, полное и эффективное (справедливое) восстановление (возмещение) этого ущерба **по единой процедуре правосудия в рамках одного дела, по возможности в упрощенном порядке**. Необходимость гарантирования законом таких правовых условий является конституционно-правовым требованием, следует из статей 1, 3, 14, 14.1, 18, 19 и многих других статей Конституции РА. Необходимость осуществления правосудия обеспечением этих гарантий обозначена также Постановлениями Конституционного Суда (ПКС-929, ПКС-983).

Констатировав их первостепенную важность, имея в виду особенности рассмотрения Постановлением от 12 июля 2011 года ПКС-983 вопроса конституционности правового регулирования (части 4 статьи 55 Уголовного кодекса РА), системно взаимосвязанного с вопросом,

являющимся предметом спора по настоящему делу, Конституционный Суд обращает внимание на следующие свои правовые позиции, выраженные в особенности этим Постановлением;

- “ ... принцип неприкосновенности собственности не только означает, что собственник, как носитель субъективных прав, правомочен требовать, чтобы другие не нарушали его право собственности, но также предполагает обязанность государства защищать собственность лица от незаконных посягательств. Эта обязанность государства в ситуации, являющейся предметом спора, требует **обеспечить эффективный механизм защиты имущественных прав лиц, пострадавших от преступления, и восстановления понесенного ущерба**”;
- “... Если в случае установленной частью 1 статьи 55 конфискации как дополнительного вида наказания объектом конфискации является исключительно **законное** имущество осужденного, то объект конфискации, предусмотренной оспариваемой частью 4 той же статьи, иной, чем законное имущество осужденного, то есть то имущество, которое приобретено в результате совершения преступления, и, как правило, **является собственностью потерпевшего**”;
- “ ... при конфискации имущества, полученного преступным путем, цель конфискации – отобрание у осужденного полученного преступным путем имущества, при котором право собственности осужденного не ограничивается. Следовательно, учитывая, что имущество, полученное преступным путем, как правило, является собственностью потерпевшего, при конфискации этого имущества восприятие понятия конфискации по смыслу части 1 статьи 55 Уголовного кодекса РА, а именно безвозмездный переход конфискованного имущества в собственность государства без восстановления права собственности потерпевшего, недопустимо, так как при подобном восприятии мероприятие по конфискации непосредственно направляется против права собственности потерпевшего, неправомерно ограничивая его право собственности. Конституционный Суд находит, что **безвозмездная передача этого имущества в собственность государства блокирует возможность удовлетворения имущественных интересов потерпевших за счет полученного прес-**

тупным путем имущества, и восстановления нарушенного права собственности”;

- “ ... стержневое значение имеет вопрос гарантирования восстановления причиненного потерпевшим вследствие преступления ущерба в процессе применения оспариваемых норм относительно конфискации имущества, полученного преступным путем, также как конституционно-правовая обязанность государства, закрепленная в частности, в статьях 3, 20 (часть 5), 43 (часть 2) Конституции РА”;
- “ ... деньги, иные ценные бумаги и другие предметы, вышедшие из законного владения вследствие преступления, передаются владельцу, собственнику или их правопреемникам ... деньги, иные ценные бумаги и другие предметы, добытые преступным путем, по приговору суда обращаются на возмещение судебных расходов, возмещение причиненного преступлением вреда, а если понесшее ущерб лицо неизвестно, обращаются в доход государства. Одновременно, в соответствии с этими положениями в пункте 17 части 1 статьи 59 и пункте 3 части 2 статьи 61 Уголовно-процессуального кодекса РА закреплены соответственно право потерпевшего и право гражданского истца получить обратно имущество, изъятое у него в качестве вещественного доказательства органом, осуществляющим уголовное производство”;
- “Конституционный Суд констатирует, что часть 4 статьи 55 Уголовного кодекса РА, согласно которой имущество, полученное преступным путем, подлежит конфискации независимо от того обстоятельства, является оно собственностью осужденного или какого-либо третьего лица либо они являются его владельцами, не предусматривает в качестве условия необходимую защиту права собственности потерпевшего в соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 119 Уголовно-процессуального кодекса РА. В подобной ситуации не только возникли внутрисистемные противоречия, но и идентифицированы институт конфискации имущества осужденного как вид наказания и институт конфискации имущества, добытого преступным путем. В правоприменительной практике оспариваемое правовое регулирование получило такое толкование, когда в случае конфискации имущества, полученного пре-

тупным путем, это имущество полностью безвозмездно переходит в собственность государства без защиты права собственности и имущественных интересов потерпевшего (законного владельца)».

Таким образом, Конституционный Суд, своим вышеупомянутым Постановлением обозначая гарантирование в правоприменительной практике правомерного применения института возмещения причиненного преступлением вреда, предопределил конституционно-правовые принципы обеспечения его законодательного регулирования, которые будут выступать гарантией для комплексного и эффективного правового регулирования вопроса, являющегося предметом спора по настоящему делу, а также формирования дальнейшей единой судебной практики.

Вышеупомянутые правовые позиции, имея в виду сформировавшуюся правоприменительную практику, должны учитываться также Прокуратурой РА в аспекте гарантирования восстановления нарушенных прав потерпевших в рамках своей компетенции.

Одновременно, исходя из требований пунктов 1 и 2 статьи 83.5 Конституции РА, задача и обязанность Национального Собрания РА – преодолеть пробел в правовом регулировании, установить четкие положения для обеспечения возможности полного восстановления нарушенных прав лиц в рамках проблемы, являющейся предметом рассмотрения.

7. Изучение международной практики свидетельствует, что имеются разные решения законодательного правового регулирования возмещения вреда, причиненного лицам преступлением. Однако их обобщенный анализ свидетельствует о следующих основных подходах:

- вопрос возмещения причиненного правонарушением ущерба решается в рамках одного производства, в некоторых случаях предоставляя заинтересованным лицам возможность выбрать вид процесса (гражданский или уголовный);
- предусмотрение четкой процедуры удовлетворения требования возвращения какого-либо добытого в результате правонарушения имущества его законному владельцу;
- иск о возмещении вреда может быть подан в тот же суд, рассматривающий дело, в случае чего лицо лишается возможности одновременного обращения в другой суд общей юрисдикции;

- действия суда по уголовному делу по возмещению вреда без каких-либо оговорок регулируются в гражданском процессуальном порядке;
- следующий из уголовного дела гражданский иск рассматривается в соответствии с правилами гражданского процесса;
- гражданский иск о возмещении вреда может быть предметом рассмотрения в суде независимо от результатов расследования по уголовному делу;
- параллельно с основным ущербом по гражданскому иску может быть предъявлено также требование о возмещении морального ущерба;
- в некоторых случаях требование о возмещении вреда в суде может представляться даже в устном порядке, которое может быть рассмотрено незамедлительно;
- если производство осуществляется в рамках уголовного процесса, то требование о возмещении вреда является предметом рассмотрения только в данном суде;
- иск о возмещении вреда в порядке гражданского процесса может быть предметом рассмотрения, если приобретенных в рамках уголовного производства фактов недостаточно;
- до окончания судебного разбирательства по уголовному делу могут быть предприняты неотложные меры по обеспечению гражданского иска о возмещении вреда;
- иск о возмещении вреда может включать требование возвращения имущества;
- в рамках уголовного дела решение суда о возмещении вреда в этой части может быть обжаловано в соответствии с правилами гражданского судопроизводства.

8. Изучение прецедентного права Европейского суда по правам человека относительно возмещения причиненного преступлением вреда свидетельствует, что этот суд в аспекте обеспечения возмещения причиненного преступлением вреда определение средств подачи жалобы рассматривает в рамках широкого усмотрения государства. Тем не менее:

- отметил, что задержавшееся возмещение, которым на заявителя возлагается несоразмерное обязательство, в результате нарушает

баланс, который должен быть между защитой права собственности лица и общим интересом (CASE OF KAROLY HEGEDŰS v. HUNGARY, (Application no. 11849/07), JUDGMENT, November 2011, FINAL, 03/02/2012),

- пришел к выводу, что гражданский иск о возмещении принципиально является эффективным средством судебной защиты (см. Lukenda v. Slovenia, no. 23032/02, § 59, ECHR 2005-X; Jazbec v. Slovenia, no. 31489/02, § 75, 14 December 2006; Varacha v. Slovenia, no. 9303/02, § 32, 9 November 2006, and Lakota v. Slovenia, no. 33488/02, § 35, 7 December 2006; a contrario, Ommer v. Germany (no. 1), no. 10597/03, § 75, 13 November 2008);
- констатировал, что § 1 статьи 6 Конвенции представляет собой “право суда”, связанная с которым доступность суда, то есть право возбуждения в суде производства по гражданскому иску является одним его элементом (см. The Holy Monasteries v. Greece judgment of 9 December 1994, Series A no. 301-A, pp. 36-37, para. 80). Затем добавил, что несомненно, § 1 статьи 6 применим к искам о возмещении вреда, возникшего в результате плохого отношения государственных должностных лиц (см. The Tomasi judgment cited at paragraph 61 above, p. 43, paras. 121-22), (CASE OF AKSOY v. TURKEY, (Application no. 21987/93), JUDGMENT, 18 December 1996).

Внедренные в рамках Совета Европы правовые принципы по вопросу возмещения причиненного преступлением вреда сводятся к следующему:

- потерпевшая сторона должна уведомляться о возможностях получения возмещения вреда, юридической помощи и консультации в ходе уголовного судопроизводства;
- суд по уголовным делам должен иметь возможность вынести решение о предоставлении потерпевшему возмещения совершившим преступление лицом;
- существующие с этой целью ограничения, границы и технические препятствия, мешающие практическому осуществлению такой возможности, должны быть устранены;
- вся информация о всех понесенных потерпевшим убытках и ущербе должна быть доступна суду, чтобы при вынесении решения о форме и размере наказания он мог учитывать:

- а) необходимость получения потерпевшим возмещения вреда;
- б) возмещение совершившим преступление лицом причиненного вреда или приложенные с этой целью усилия;
  - на этапе исполнения приговора, если возмещение является уголовной санкцией, то оно должно осуществляться в порядке, установленном для сбора штрафов, и быть первоочередным по отношению к иной финансовой санкции любого вида, наложенной на совершившее преступление лицо. Во всех остальных случаях потерпевшему по возможности должно оказываться содействие в сборе суммы (Рекомендация No. R (85) 11 on the position of the victim in the framework of criminal law and procedure (Adopted by the Committee of Ministers on 28 June 1985 at the 387th meeting of the Ministers' Deputies)).

Одновременно обозначено также, чтобы:

- было оказано содействие в получении возмещения, выплачиваемых страховыми компаниями или иными организациями сумм, и, при возможности, в вопросе получения возмещения выплачиваемого государством (Рекомендация Rec(2006)8 of the Committee of Ministers to member states on assistance to crime victims (Adopted by the Committee of Ministers on 14 June 2006 at the 967th meeting of the Ministers' Deputies));
- государства предприняли необходимые меры для обеспечения доступности средств гражданской защиты потерпевших и обеспечили в разумный срок право на доступность компетентных судов и в соответствующих случаях – юридическую помощь;
- государства в рамках уголовного судопроизводства установили для потерпевших процедуры требования от совершившего преступление лица возмещения вреда. Потерпевшим должна предоставляться также консультация и помощь в составлении этих исков и взыскании установленных платежей;
- возмещение предоставлялось для восстановления физического и морального ущерба и излечения (приложение к Рекомендации Rec(2006)8).

9. Конституционный Суд РА находит, что на уровне законодательного регулирования вопроса, являющегося предметом спора по настоящему делу, должны учитываться также вышеупомянутые концеп-

туальные подходы, признанные также в международной практике, как требования, непосредственно исходящие из положений статьи 3 Конституции РА.

Тем не менее, до законодательных уточнений, необходимость которого признает и ответчик по настоящему делу, должно гарантироваться исполнение решения Апелляционного уголовного суда РА, принятого именованной Республикой Армения 14.06.2012 г., об отмене приговора суда общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш города Еревана от 12 октября 2009 г. в части гражданского иска и о пропорциональном распределении потерпевшим признанной вещественным доказательством эквивалентной 25.000 евро суммы в драмах РА и суммы 4.040.000 драмов РА. Из материалов дела очевидно, что существующая ситуация свидетельствует о проявлении формального подхода к реализации принципа верховенства права.

Конституционный Суд РА находит, что с точки зрения защиты субъективных прав заявителей, пожалуй, действенной должна быть также роль Прокуратуры РА, так как на основании представленного ею исполнительного листа средства возмещения, выделенные судом заявителям, были заранее перечислены в Государственный бюджет РА.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 69 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Часть первая статьи 26 Закона Республики Армения “О принудительном исполнении судебных актов” соответствует Конституции Республики Армения, учитывая правовые позиции, выраженные в настоящем Постановлении.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

**28 июня 2013 года
ПКС-1102**